

Крупные литературные премии далеко не всегда отражают реальный художественный процесс во всей его сложности, зачастую связаны с внелитературными факторами – идеологией, политикой и пр., однако в данном случае можно просто порадоваться за прекрасного прозаика, польскую литературу и литературу как таковую. Ольга Токарчук, вне всяких сомнений и уже не первое десятилетие – одна из ключевых фигур польского литературного процесса, автор, любимый читателем как элитарным, так и широким. Первые книги Токарчук стали ярчайшим элементом процесса обновления художественного языка в польской прозе после 1989 г., осуществленным младшим (на тот момент) литературным поколением, однако это тот счастливый случай, когда последующие тексты оказывались не слабее, а сильнее, и наблюдать этот процесс – следовать за автором по его отчетливо просматривающейся, но непредсказуемой тропе – по-прежнему необычайно увлекательно для читателя, в том числе профессионального – литературоведа и переводчика.

Формулировка Нобелевского комитета – «За повествовательную фантазию, которая со страстью энциклопедиста воплощает преодоление границ как форму жизни» – представляется достаточно точной по своей сути. Наиболее четко и, можно сказать, буквально иллюстрирует ее дважды изданный в России роман Токарчук «Бегуны» (кстати, ранее принесший писательнице две значимые премии – «Нике» и «Букера») – его идея и структура. Это пересекающиеся, соприкасающиеся, перекликающиеся странствия по времени и пространству, по земному шару и человеческому телу, повествование, складывающееся из причудливо связанных и, в конечном счете, образующих единый сюжет новелл, повестей, фрагментов эссе, путевых записей и т.д. Это роман о современной цивилизации, заставляющей человека быть вечным кочевником, и ее внутренней связи с глубинной человеческой природой, плодом которой она, в сущности, является – не навязанная ему, но выстроенная им. О внутренней тревоге,

которая заставляет человека сниматься с насиженного места. О тех, кто стремится к некоей цели, и о тех, для кого целью оказывается сам путь.

Однако точны эти слова и по отношению к другим произведениям Токарчук. Так, например, блестящий роман в повестях «Последние истории» – о грани (гранях) смерти. Он выстроен как своего рода опыт аутопсихотерапии, попытка многократной и разнообразной конфронтации со смертью через повествование. Подобную психологическую задачу имеет роман «Анна Ин в гробницах мира», однако здесь граница между жизнью и смертью, танатическим страхом и приятием смерти как необходимой части бытия исследуется через преодоление границы между мифом и современностью, между измерением божественным и человеческим. Последняя по времени книга – «Диковинные истории» – о зыбкой границе между повседневностью и «диковинностью» мироздания, границе между телом и памятью, между историей универсальной и личной.

И.Е. Адельгейм